

К.В.Агеева

Воспоминания о К.И.Бугаевой

Это, видимо, один из очень немногих текстов, написанных близкой подругой Анны Ивановны и ее соученицей по семинару В.Н.Турбина. Лариса (Клеопатра) Владимировна Агеева (20.X.1940, Калинин – 6 II. 2011, СПб.) училась на филологическом факультете МГУ с 1964 по 1969 гг., потом работала в ЦГАЛИ (1970–1974); переехав в Ленинград, некоторое время работала в ЛГАЛИ, а с 1974 по 2000 год – в библиотеке Духовных школ СПб. Православной Духовной Академии, где занималась переводами с английского, греческого и французского языков (в 1996 г. удостоена Патриаршей грамоты).

Воспоминания о К.И.Бугаевой написаны

в конце 1970-х годов. Со вдовой Андрея Белого К.В.Агеева познакомилась через А.Н.Богословского (1937–2008), литературоведа, архивиста, библиофила, специалиста по эмигрантской литературе, исследователя творчества Б.Поплавского. А.Н.Богословский был крестником К.И.Бугаевой, дружившей с ней Богословских, своих соседей по писательскому дому в Фурмановском переулке; им она подарила саквояж с вещами Белого (хранится теперь в музее Андрея Белого). В письмах К.И.Бугаевой, адресованных Богословскому, К.В.Агеева упоминается (ОР ИМЛИ РАН, архив А.Н.Богословского).

Несколько лет назад автор отдал эти записи для того, чтобы они были когда-нибудь опубликованы. – Ред.

21 августа 1968 г. в 6 ч. 15 мин. вечера пришла в Сашин дом <в Нащокинском переулке в Москве, снесен в конце 1970-х>, но не в его квартиру, а в №55. Долго стояла перед дверью, нажимала на звонок, а он не звонил. Наконец чуть-чуть прозвенел. Я совсем не ожидала, что Ел. Вас. <Елена Васильевна Невейнова> сразу проведет меня к Клавдии Николаевне, и страшно растерялась. Но как я полюбила ее с одного взгляда, вдруг в сердце вспыхнула любовь, как пламя. Сегодня уже немного помню ее лицо, осталось ощущение только чистоты, какой-то детской трогательности, незащищенности и доброты. Она страшно худенькая, кажется, что просто комок костей. И огромные светлые глаза, совсем не старого человека,

а вообще глаза. Клавдия Николаевна поразительное, необыкновенное существо. 15 лет прикована к постели. Да, живые мощи. Именно от слова «мощь». Я так счастлива, что поцеловала ее руку и она меня поцеловала. Это мне на всю жизнь подарок бесценный. Над ее кроватью фотография Андрея Белого с чудесным, мягким лицом. Она мне с большим волнением сказала, что он был замечательный, прекрасный человек. Спросила меня, люблю ли я его. Я сказала, что да. Сказала, что больше всего люблю «Петербург». Кл. Ник. сказала, что «Петербург» страшный, тяжелый, все время ужас сардинницы, которая вот-вот взорвется. Она сказала, что «Москва» лучше, она светлая, в ней радость выздоровления. Я сразу вспомнила, что думала о ней, когда читала про Серафиму Павловну. Это, конечно, она, крошечная, со светлыми золотыми волосами, огромной волей и любовью. Ангел.

Потом говорила про «Симфонию». Я их не читала. По-моему, по 4-ую она сказала, что Б.Н. над ней страшно мучился, он хотел показать в ней перерождение любви чувственной в духовную, но это ему не удалось.

Спросила у меня, где я живу в Ленинграде. Кл. Ник. сказала, что она страстно любит Петербург и ненавидит Москву, что Б.Н. тоже очень тяжело себя чувствовал в Москве. Кл. Ник. жила в Петербурге на углу Морской и Мойки, на 5-ой линии В. О., у Тучкова моста, на Плуталовой ул. Разговор о Петербурге привел ее в волнение, очень хорошее, живое, я не чувствовала совсем между нами границ – в возрасте хотя бы. А ей ведь 82 года <родилась в 1886>. Говорила, как она ходила к мужу в Семеновские казармы, где он служил врачом, на дежурство и шла потом пешком через город на Вас. остров через Гороховую (дом Рогожина <д.41?>). Потом она говорила об Эрмитаже, как она любила туда ходить, как там было хорошо, пусто, не было билетов, она смотрела камеи. Я так себе представляю ее чистой, пылкой, маленькую, обладающую необыкновенным даром любви. Что перед ней все Любви Дмитриевны и Аси, вместе взятые! Они были только женщины, а Кл Ник. – человек с Божественной душой, строгий ангел.

Немного говорили про Псков; да, еще Кл. Ник. сказала, как

мучительно они оба с мужем переживали расставание, разлуку навсегда, когда она уже понимала, что ей нужно быть с Б.Н. Анна Давыдовна потом сказала, что они с мужем простились на Ново-Девичьем кладбище, и оба рыдали. Он сейчас жив и вещает ее иногда.

Потом говорили про Дмитрия Евг. <Максимова, с которым К.В. была лично и близко знакома; А.И. тоже, сохранилось много писем Максимова к А.И.> Кл. Ник. сказала, что он единственный, кто действительно любит и понимает Андрея Белого, и что он очень дорог ей, что он очень хороший, простой. Я сказала, что ему чего-то не хватает. Она сказала, что он суховат, и я сказала, потому, что он неверующий. Она согласилась и очень трогательно и пылко сказала, что он хотел бы верить, что она сама удивлялась, как это человек, так глубоко чувствующий Б.Н., которого вне Бога и христианства нельзя представить, сам так далек от этого. И вот он ей сказал, что хотел бы верить. Может быть, и так. Как бы в извинение ему Кл. Ник. сказала, что ведь Дм. Евг. вырос в е шестидесятников, «Стасовых». Ох уж этот Стасов! Я тоже согласилась, что он ужасный. Она спросила: «Верите ли вы?». Я ответила: да. Она перекрестила меня, поцеловала еще раз и я тоже. Это все так незабываемо, так осветилась я ее светом.

Еще говорили про Сашу, она спросила, как я к нему отношусь. Я сказала, что он замечательный, необыкновенный человек, что таких нет в наше время. Она согласилась и сказала, что ему так трудно жить, так больно, так он страдает от всего, она молится за него каждый вечер.

Наше общение было недолгим, хотя я ужасно беспокоилась, что она уже устала, что ей тяжело говорить и что я сижу слишком долго. Была минут 25-30. Ушла, любя ее всем сердцем.

Кл. Ник. сказала, что любимым художником Б.Н. был Микеланджело. «Пиета», «Мыслитель», и Рембрандт. Около ее постели висит также за занавесочкой Серафим Саровский.

10 сент. 1968 г. снова была у Клавдии Николаевны. Пришла, как и в прошлый раз, в начале седьмого. Была час. Это очень много. Разговор начался с книги Б.Н., или с рукописи, очевидно, на франц. языке. Антропос – человек. Его положение по вертикали –

Ормузд, это движение вверх, движение духа. Или иначе – это начало Люцифера, но Люцифер – более эгоистическое начало. Все художники люциферичны. Но человек не может быть постоянно в состоянии вертикали. Он должен ложиться. Это начало тяжести, Аримана. Человек не может быть постоянно в духе. Встать, лечь. Вот отсюда знак креста. Мысль поразительно глубокая. Потом Кл. Ник. спросила, слышала ли я про Валаам. Она была там в 1915 г. с двумя подругами. Сказала, что предпочла поездку на Валаам, а не на Ниагару. Были два поразительных скита на острове – скит Серафима Саровского и Александра Свирского. Первый был под землей, туда чуть ли не проползать надо было, и под землей вдруг – белый ослепительный мрамор.

Другой скит находился высоко на скале, нужно было подниматься по крутой лестнице, и неотразимое впечатление он производил – вокруг дивная природа, лес, синее озеро, а скит – темная пещера, иконы – отгораживал от всего. Схимники отдельно от других монахов поднимались на хоры, слышался как бы шелест крыл, когда они всходили по лестнице. На Валааме была церковь, где весь год шла Пасхальная служба – Христос Воскресе. Монахи были чрезвычайно доброжелательны и охотно показывали свои владения. Для гостей бесплатная трапеза – хлеб, уха и гречневая каша, такая, говорит Кл. Ник., какой она нигде больше ни ела, прямо розовая.

Вел кн. Николай Николаевич очень любил Валаам, и у него был свой скит.

Очень мрачное впечатление производил Шлиссельбург.

Потом разговор был опять о Петербурге. Кл. Ник. расспрашивала про улицы, мосты, какие куда выходят. На Марсовом поле раньше был французский театр, с удивительно красивыми костюмами. Рассказывала про друзей и среду, с которой был связан первый муж ее, – петербургские врачи, из которых я почему-то запомнила фамилию Райн. Кажется, ее муж был очень дружен с сыном Павлова. Рассказывала про дом на Литейном, который пятью окнами выходил на улицу и длинными анфиладами во двор. Сказала, что в Адмиралтействе раньше выдавали заграничные паспорта. И как все было просто. Петербург – самый красивый город на свете. Очень хорош Мюнхен,

Штутгарт, окруженный горами, Эривань, как цветная мозаика, но Петербург лучше всех. Я согласилась с восторгом.

Я спросила, какие у Кл. Ник. любимые цветы. Сначала она сказала, что розы – по-видимому, из деликатности, но больше всех – ландыши, и Б.Н. любил их очень. Еще незабудки, гладиолусы. Гладиолус, оказывается, означает меч Михаила архангела.

Потом говорила, как Б.Н. отвечал на анкету о Некрасове. Последний пункт был – что Вы думаете о том, что Некрасов был безнравственный человек? Б.Н. ответил – не задумывался. Потому что для него художник – явление особое, его творчество – особый мир, и своей жизнью, разрушением ее он платит за него. Кл. Ник. сказала, что Некрасов был настоящий, замечательный поэт (строка, где «холодный пламень») <м.б., имеется в виду «И зимнего солнца холодный огонь» из «Крестьянских детей»? >.

В течение разговора несколько раз она вспоминала стихи Пушкина, относящиеся к Петербургу.

Потом говорили о Толстом и Достоевском. Она очень удивилась, что я не люблю Толстого, не люблю «Войну и мир», что не близок мне образ Кутузова. Потом спросила, кого же я люблю. Конечно, Достоевского. Что именно? Одно время – «Братья Карамазовы», «Бесы», «Подросток», «Идиот», да всё, всё. Она согласилась со мной, что «Бесы» – светлая книга, в ней просветление – и путь Степана Трофимовича, Маврикий; как трудно убить человека – убийство Шатова; подлец, настоящий подлец Верховенский.

«Братья Карамазовы», по ее мнению, тяжелее, потому что показывают, с какой силой человеком овладевает зло. «Идиот» – тоже мрачный. «Помните, – спросила она, – как Мышкин смотрит на портрет Настасьи Филипповны – добра ли она? О, если бы она была добра!» Но она не добра – сцена с Аглаей. Спросила, кто мне ближе. Конечно, Настасья Филипповна; она тоже не любит Аглаю. Сказала, что начала она с «Преступления и наказания», «всё позволено» – захватывающая идея.

«Бесы» читала недавно, и потрясли они.

Расстались – я в большом смущении, что так долго сидела. Она благословила меня. Думаю, где бы достать осенью ландыши.